

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА

С. С. Лосев,

кандидат юридических наук, доцент

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь)

Лицензионный договор как самостоятельная разновидность гражданского договора впервые появился в английском праве в конце XVIII в., став формой реализации прав патентообладателя по использованию изобретения. С развитием системы объектов права интеллектуальной собственности сфера применения лицензионного договора стала шире – эта договорная конструкция применяется в отношении всех участвующих в обороте объектов права интеллектуальной собственности.

Лицензионный договор всегда являлся предметом пристального внимания цивилистов, которые признавали его самостоятельное место в системе гражданских договоров [1, с. 6]. Однако до сих пор дискуссионными остаются вопросы о сути возникающих на его основании обязательств.

Основой теоретических споров является различное понимание существа исключительного права на объект интеллектуальной собственности, а именно: следует ли рассматривать его как позитивное право на использование объекта интеллектуальной собственности или только как право запрещать всем третьим лицам использование этого объекта. Являвшийся сторонником негативной концепции известный российский цивилист начала XX в. А. А. Пиленко, полемизируя с современными ему немецкими юристами Д. Келлером, О. Гирке и др., подчеркивал превалирующее значение запретительного элемента для исключительных прав, и применительно к патентному праву доказывал, что содержанием права из патента является право запрещения, обращенное ко всем третьим лицам, а «...позитивная же возможность фабрикации есть не юридическое понятие, а экономическая функция правового института запрещения» [2, с. 657]. Поэтому суть института лицензии А. А. Пиленко видел в том, что при помощи лицензионного договора патентообладатель за деньги снимает с третьих лиц лежащий на них запрет, позволяя им работать, продавать или употреблять изобретение [2, с. 450]. Развивая свою идею, А. А. Пиленко неизбежно приходил к выводу о том, что независимо от вида заключаемого лицензионного договора (исключительный или неисключительный) преследовать нарушителя патента может сам патентообладатель [2, с. 452].

Такое понимание сущности лицензионного договора встречается и в работах современных ученых. Так, по мнению М. В. Лабзина «... освобождение от обязанности не использовать объект (снятие запрета) является более удачной характеристикой сути лицензионного договора [3, с. 34]. Однако такое понимание сути лицензионного договора неизбежно приводит этого автора к выводу о том, что лицензиар при заключении лицензионного договора не гарантирует действительности исключительного права, если только стороны не договорились об ином [3, с. 35].

Иная точка зрения на природу лицензионного договора была сформулирована в работах известного немецкого юриста Г. Штумпфа, указывающего на то, что в прошлом предоставление лицензии собственником патента рассматривалось в качестве его отказа от запрета лицензиату использовать запатентованное изобретение; в новейшей доктрине и судебной практике преобладает другое мнение, в соответствии с которым предоставление исключительной или неисключительной лицензии означает предоставление лицензиату позитивного права использования патента [4, с. 30]. По мнению Г. Штумпфа, если рассматривать лицензию только как отказ патентообладателя от своего права, существо данного обязательства заключается в бездействии; если рассматривать лицензию как передачу лицензиаром лицензиату позитивного права, то со стороны лицензиара будет недостаточно воздерживаться от каких-либо мер, направленных на пресечение использования лицензиатом запатентованного изобретения; он должен сделать все возможное, чтобы обеспечить лицензиату возможность такого использования [4, с. 45].

Такой подход находит все больше сторонников в юридической науке постсоветских государств, которые определяют сущность лицензионного договора как предоставление правообладателем своему контрагенту по договору на определенное время части или всех своих прав [5, с. 7]. Кроме того, он нашел отражение в законодательстве Российской Федерации: согласно ст. 1235 ГК РФ, по лицензионному договору предоставляется право использования объекта интеллектуальной собственности в предусмотренных договором пределах.

Законодательство Беларуси не содержит единообразного подхода в определении лицензионного договора; при этом если в специальных законах, посвященных отдельным объектам интеллектуальной собственности, содержание этого договора определяется через категорию «передача права», то в определении, данном в ст. 985 ГК, – через категорию «разрешение». Поскольку основная цель заключения лицензионного договора состоит в получении юридически гарантированной возможности использования объекта интеллектуальной собственности, отечественному законодателю необходимо пересмотреть данное в ст. 985 ГК определение лицензионного договора, однозначно определив его содержание через обязательство предоставить право использования объекта.

Литература

1. Рузакова, О. А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / О. А. Рузакова. – РРГИИС. – М., 2007. – 56 с.
2. Пиленко, А. А. Право изобретателя / А. А. Пиленко. – М.: Статут, 2001. – 686 с.
3. Лабзин, М. В. Правовая сущность лицензионных соглашений / М. В. Лабзин // Патенты и лицензии. – 2012. – № 2. – С. 28–34.
3. Штумпф, Г. Лицензионный договор: пер. с нем. / Г. Штумпф. – М.: Прогресс, 1988. – 478 с.
4. Хасимова, Л. Н. Лицензионный договор в праве промышленной собственности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л. Н. Хасимова / КазГУ. – Казань, 2006. – 25 с.